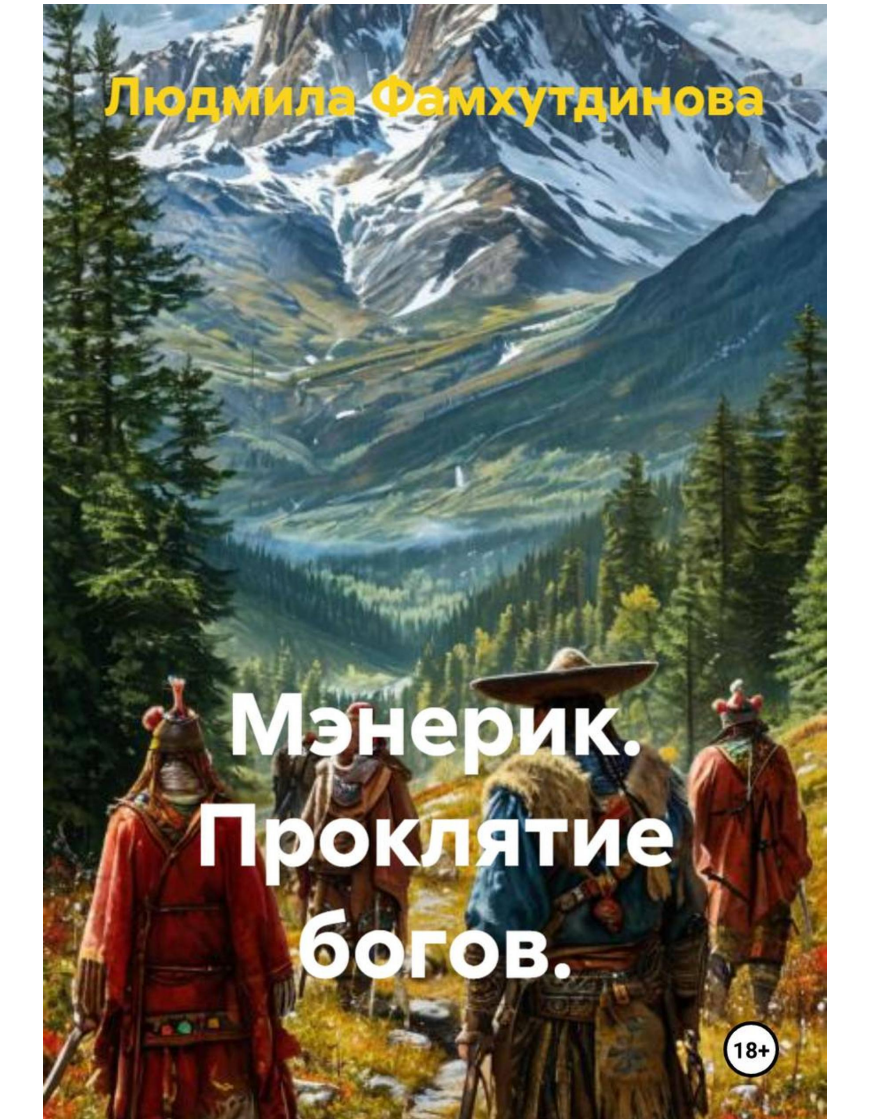

The background of the cover is a detailed illustration of a mountainous landscape. In the foreground, four figures in traditional, possibly Mongolian, attire are walking away from the viewer along a path. They are wearing red and blue robes and carrying gear. The middle ground shows a dense forest of evergreen trees. In the background, a massive, snow-capped mountain range rises steeply under a clear sky. The overall style is that of a classic adventure or fantasy book cover.

Людмила Фамхутдинова

Мэнерик.
Проклятие
богов.

18+

Людмила Фамхутдинова

Мэнерик. Проклятие богов.

<https://litres.ru/74038589>

SelfPub; 2026

Аннотация

13 век. Племя якутов из-за набегов бурят вынуждено уйти в леса за Яблоневым хребтом. Путь их долог и опасен. Что ждёт их на новом месте: горе или радость, мир или война? Чтобы обезопасить свой народ, последний шаман великого рода совершает обряд камлания. Что пообещает он богам за безопасную жизнь в неизведанных землях? Что ждёт их племя спустя несколько веков и какое влияние окажет обряд на жизнь потомков?

Содержание

Часть I	4
Часть II	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Людмила Фамхутдинова

Мэнерик. Проклятие богов.

Часть I

Глава I

ХШв. Таёжные леса за Яблоневым хребтом

— Кустээхэй, Кустээхэй!¹, — пожилая женщина догна-
ла высокого статного мужчину, возглавлявшего переход их
племени на новое место обитания. Голос её дрожал, но сло-
ва рвались одно за другим, будто каждая фраза старалась
остановить его движение. — Аны бу тыаҕа төһө сылдыахха
сөбүй? Сылайбыппыт... Биһиги элбэх күн устата барабыт...
Оҕолорбутун харыстаа...²

Кюстэкей остановился и оглянулся назад. В свете факе-
лов на него смотрели грязные, заплаканные лица — дети с
замёрзшими ресницами, матери, держащие малышей на ру-
ках, старики, слепо верящие вожаку. Черета этих лиц была
бесконечной и терялась где-то в темноте за поворотом реки.
Тут и там мелькал свет факелов, отмечая в каких местах идут
главы семей. Он устало закрыл глаза: внутри как будто сжа-

¹ С якутского могучий, сильный

² Сколько еще нужно ходить по этому лесу? Мы устали... Мы идем уже много
дней... Пожалеи наших детей...

лось что-то большое и тяжёлое...

Много недель прошло, как они бежали с насиженного берега прекрасной реке Ингоды. Их род жил там столетиями, но пришли люди с другой стороны улуу күөл³. Они сожгли все балабаннар⁴ в их деревне. Кюстэкей едва успел увести детей и женщин. Он был последним шаманом их рода — не только хранителем обрядов, но и тем, кто должен был отвечать за жизнь племени. Эта ответственность лежала на нём, как тяжёлый мех, который нельзя снять.

По пути вдоль реки Ингоды, они встретили других беженцев, среди которых оказалось несколько десятков мужчин. С тех пор они шли вверх по течению, останавливаясь лишь на короткий отдых. Ингода уже вливалась в другую, большую реку, чьё имя забыли те, кто спешно покидал дом. Вокруг поднимались горы, покрытые густыми непроходимыми лесами. Весна приходила поздно: снег по-прежнему лежал на ветвях, хрустел под ногами и мешал дымакам костров разогнать холод.

— Билигин тохтуур сатамнат. Манна кутталлаах, бу тыаҕа туох буолуон сөбүн билбэппит.⁵

— Кустээхэй, оҕолор хайдаҕый? Күүстэрэ адьас хаалсы-

³ Великое озеро

⁴ Зимнее жилище

⁵ Останавливаться сейчас нельзя. Здесь опасно, мы не знаем, что может быть в этом лесу.

батылар...⁶— женщина взяла его за большую руку, в пальцах была кожа, покрытая мозолями и ранами; в её глазах светилась надежда.

— Билигин харага, тохтуур сатаммат,⁷— Кюстэкей одёрнул руку. На его лице застыла печать усталости. Он развернулся и двинулся вдоль берега, стараясь не показать того, что чувствовал в груди — страха, сомнения, почти проклятого желания бросить всё и лечь под один из этих камней!

С горы раздался рев дикого медведя — долгий, низкий гул, который пробирал до костей. Мужчина обернулся и увидел, как люди вокруг напряглись: женщины прижимали детей ближе, мужчины сжали копья.

— Биһиги тохтуо суохтаахпыт,⁸— громко повторил он и отвернулся. Ему самому было страшно, но он не смел показать этого. Люди верили ему, их судьбы зависели от него. Он должен привести их в безопасное место, где они смогут начать новую жизнь.

Их путь лежал на северо-восток, в холодные неизвестные края. От злых людей нужно было уходить всё дальше: неизвестно, смогут ли они там выжить и хватит ли на всех пищи, но возвращаться было нельзя.

На рассвете они остановились — передышка была необходима. Мать права: у них больше нет сил, рыба давно за-

⁶ Как же дети? У них совсем не осталось сил.

⁷ Сейчас темно, нельзя останавливаться.

⁸ Мы не должны останавливаться.

кончилась, нужно добыть мяса. Несколько мужчин отправились на охоту вместе с Кюстэкей, остальные остались охранять лагерь и разводить костры.

Мужчины разошлись в лесу по двое, воздух пах мхом и старой сосной. Когда солнце поднялось высоко, встретились в обозначенном месте: набралось десятка два различной птицы и с дюжину зайцев. Повеселевшие, люди двинулись к стоянке.

Медвежий рев раздался со стороны реки столь же внезапно, как и накануне вечером.

— Куотуохха!⁹ — вскрикнул Кюстэкей, мгновенно поднявшись с места; тревога слышалась в его голосе.

Рёв повторился вновь. Подбежав ближе к стоянке, охотники уловили тревожные женские голоса и громкий детский плач. У самой кромки воды собралась небольшая группа людей. Пробившись сквозь неё, Кюстэкей обнаружил тело пришедшего мужчины, примкнувшего недавно к их группе, рядом лежала огромная медвежья туша. Испуганные женщины держали на руках плачущих ребятишек, стараясь утихомирить их слёзы. Труп огромного хищника внушал всем присутствующим непередаваемый ужас.

— Кини албан аатыран тустубута, — мать подошла и встала рядом. Её лицо оставалось спокойным. — Билигин биһиэхэ абыйдах хонукка эт баар.¹⁰

⁹ Бежим.

¹⁰ Он сражался славно, сынок. Теперь у нас есть мясо на несколько дней.

— Табаны ордоробун, 11¹¹ — мужчина угрюмо посмотрел на своих соплеменников и подал знак — пора готовить погребение у леса.

Тело укрыли в ткань и повесили на дерево. Старый обычай: по ветру душа погибшего улетала к небесам.

— Сиэри- туому ытыхтааххын, — Кюстэкей отвернулся от матери, но она была упряма и встала перед ним, уперев руки в бока. — Манна барыта атын. Эн тангаралары кытта кэпсэтиэхтээххин, норуоккун көмүскүөхтээххин. 12¹²

— Ай, хаал! 13¹³ — мужчина сел на большой камень и уставился на замерзшую реку.

— Эһэн ити курдук хаалыа суоҕа этэ, кини аҕа көлүөнэ көмүскэлигэр турбута, 14¹⁴ — эту женщину было не унять. Ещё чуть-чуть и Кюстэкей мог взорваться.

— Эһэм эргэ ойуун этэ. Бэлэҕи ылыхпын баҕарбата, 15¹⁵ — мужчина помрачнел ещё больше. — Онон туох да тахсыа суоҕа, 16¹⁶ — он глубоко вздохнул.

— Сатаабатах буоллаххына хантан билэбин? — мать погладила его по голове. — Дьылҕаттан барыан суоҕа. 17¹⁷

¹¹ Я бы предпочёл оленя

¹² Ты должен провести обряд. Здесь всё чужое. Ты должен поговорить с богами и защитить свой народ.

¹³ Ай, отстань

¹⁴ Твой дед бы это так не оставил, он всегда вставал на защиту своего рода

¹⁵ Мой дед был старым шаманом. Он не хотел, чтобы я принял его дар

¹⁶ Поэтому у меня ничего не выйдет

¹⁷ Откуда тебе знать, если ты не пытался? От судьбы не уйдешь, сынок

— Боруобалаатым! — Кюстэкей вскочил, раздосадованно пнул камень и повторил срывающимся голосом. — Боруобалаатым... 18¹⁸

Несколько человек повернулись на их крики, лица были встревожены.

— Шшш... Чуумпу, чуумпу уол, 19¹⁹, — женщина тянула его за руку, предлагая вернуться на место.

— Биһиги улууспутугар охтубуттарын кытта кэпсэтэ сатабытым. Ол эрэри тыын миигин истибэт... 20²⁰

— Туох буолбутун дьылҕата билиннэ. Тангаралар биһиги дьылҕабытын быһаарар, 21²¹ — старуха повернулась к племени и подняла правую руку вверх, призывая всех к тишине.

Люди притихли. Даже те, кто разделял тушу медведя, застыли в ожидании.

— Бүгүн киэһэ уолум тыыны кытта кэпсэтиэҕэ. Кини биһиги норуоппутун бу сиргэ көмүскүүргэ көрдөстө. 22²²

Все одобрительно закивали и довольные продолжили работу: готовили ужин, сушили мясо на верёвках над малым дымком, чтобы не привлекать хищников, втыкали колья вокруг лагеря. Женщины устраивали малышей в тёплые мехо-

¹⁸ Я пробовал

¹⁹ Тише, тише, сынок

²⁰ Я пытался говорить с духами, когда напали на наш улус. Но духи не слышат меня...

²¹ То, что случилось, было предначертано судьбой. Боги решают нашу судьбу

²² Сегодня вечером мой сын будет говорить с духами. Он будет просить защиты нашему племени на этой земле.

вые корзины, шили подшивки и латали одежду из старых шкур.

Кюстэкей был очень недоволен действиями матери. Остаться здесь на ночь и провести камлание, когда в любой момент могли напасть дикие звери — это была опасная затея. Но назад не повернуть — люди смотрели на него с надеждой. Он не мог их подвести.

После ужина, уже в сумерках, мужчины вооружились длинными острыми пиками, ножами и заняли посты вокруг стоянки. Молодой шаман готовился к камланию. К сожалению, он ничего не мог принести в жертву богам, поэтому не знал, какой будет цена за их безопасное существование. Подготовка заняла много времени, ведь ему непривычна была эта роль. Кюстэкей не верил в успех...

С первыми лучами солнца он взял в руки угли из затухающего костра, сел лицом на восток и запел. Голос его был тонок от усталости, но в нём горела сила — голос, которым когда-то окликали утро, вызывали дождь, оберегали от чужих духов. Кюстэкей пел и рисовал на лице остывающим углём какие-то знаки, как письмена на замёрзшей земле. На коже оставались следы — красные, тянущиеся полосы — но он не чувствовал боли: душа его ускользнула к духам, оставив тело пустым сосудом.

В это время с северной стороны небо заиграло бледным светом, который стал медленно зеленеть — появилась Авро-

ра23²³. Люди подняли головы: свет рисовал над лесом длинные занавеси, мелькали узоры, будто кто-то ткал ткани из воздуха. Это было знаком — неясным, но властным.

Когда солнце выкатилось полностью и начало пригревать землю, шаман открыл глаза. Прошло чуть больше часа, но он был настолько разбит, что упал наземь без сил. Пребывание между мирами было тяжким бременем. Духи называли свою цену за их безопасность на этой холодной, но богатой земле. Они написали об этом на его лице красными полосами.

«Покуда живёт человек на этой земле и довольствуется тем, что есть, не беря лишнего, он может быть спокоен. Но если человек вскроет землю или убьёт животное из жадности, он лишится разума.» Слова прозвучали не как угроза, а как закон, старый и неизменный.

— Биһиги өйдөөх хаалыхпытыгар диэри, тангара биһигини көмүскүөбү, ²⁴²⁴— сказал Кюстэкей своему народу, когда силы вернулись к нему.

Сердца людей наполнились надеждой: теперь жизнь наладится, страх отступит, они смогут жить спокойно и растить своих детей. Проходя дальше на Север, некоторые семьи оставались на том или ином месте, образуя на берегу небольшие улусы.

Никто не знал, чем на самом деле обернётся эта жертва: спасёт ли она их навсегда, или лишь даст отсрочку. Но в

²³ Северное сияние

²⁴ Боги защитят нас, покуда мы будем оставаться разумными.

следующую ночь, когда звёзды тихо вспыхивали над соснами, люди спали крепче, чем за последние месяцы. И где-то в этом сне таилась цена, о которой пока ещё никто не догадывался...

Глава II.

Вторая половина XIX века улус глубоко в лесу в стороне от Среднеколымска

— Прошло больше пятисот лет, но легенда живёт до сих пор, — негромко сказал невысокий широкоплечий мужчина, Бэргэн, ласково проведя рукой по светлым волосам дочки и улыбнувшись ей.

— Почему? — непоседливая девочка, Сардаана, вытянула губы трубочкой и лукаво посмотрела своими карими глазками на отца.

— Потому что медведь до сих пор не смог съесть ни одного из нас! — весело рассмеявшись, ответил отец и закутал дочь в тёплую оленью шкуру. — Спи, мой цветочек, время легенд и сказок закончилось.

Мужчина осторожно поднялся с лавки и затушил огонь свечи. Да, время легенд закончилось, вот только с их уходом на его народ навалились беды.

Всё началось с приходом европейцев в северные земли несколько веков назад. После гонений с берегов Великого озера²⁵ якутам пришлось кочевать через яблоневый хребет

²⁵ Байкал

вдоль рек на север материка. Спустя некоторое время, подвергшись повторному притеснению, якуты ушли ещё дальше, осваивая непроходимые леса и болотные топи.

С тех пор прошло много лет... Его предки долго не могли смириться с вторжением и жаждой географических открытий русских, долго боролись и отстаивали свои земли. Но в конце концов смирились с их приходом и даже начали подражать им: пытались говорить по-русски, двигаться как приезжие и научились пить водку.

В их околотке, в районе Среднеколымска водку теперь пили практически все. Однако к концу зимы — началу весны приобрести напиток становилось почти невозможным делом. Обозы с купцами давно отправились восвояси, а редкие торговцы завышали цены настолько, что простолюдинам оставалось лишь сожалеть о своей бедности. Они отдавали последнее за глоток горячительного напитка.

За это время жители окрестных улусов накапливали достаточно шкурок для будущего обмена, который ожидался в конце марта. Рыба давно закончилась, и охотники вынуждены были ежедневно уходить в лес, чтобы прокормить семьи.

Бэргэн задумчиво сидел около очага. Вот и его запасы подходят к концу, чем кормить семью — неизвестно... Кони живут на подножном корму, а вот собака помрёт со дня на день голодной смертью... Каждый год повторяется одно и то же.

Почти десять месяцев в году край скован холодом. Близ Средне-Колымска река вскрывается в середине мая, а становится в середине сентября. Из-за жестоких холодов почва промерзает глубже, чем на сто сажень²⁶.

Вечная мерзлота не даёт углубляться корням деревьев, они стелются почти по поверхности земли. Жестокие осенние и весенние ветры вырывают деревья с корнями и делают тайгу непролазной. Жестокие холода делают невыносимой какую бы то ни было культуру растений.

Суровая природа не избаловала местного жителя: он довольствуется очень малым в пище и не прихотлив в выборе её; он привык стыннуть на трескучем морозе; ему нипочём бродить по колено в холодных осенних водах реки Колымы, чтобы только добыть из неё несколько рыб; жилище его мрачно и темно, часто походит на нищенскую нору, в которой приютилась нужда²⁷...

Здесь «жизнь есть лишь горестное бремя со всеми ужасами холода и голода, с недостатком первых самых обыкновенных потребностей и наслаждений»²⁸.

«Если человек рад простой похлебке из сосновой заболони, ему никакие беды не страшны», — повторил Бэргэн про

²⁶ Сажень — русская мера длины, равная 2,134 м

²⁷ Мицкевич С.И. «Мэнэрик и эмиряченье формы истерии в Колымском крае: с 3 рисунками»

²⁸ Здесь и далее описания берутся из книги Дионео «На крайнем Северо-востоке Сибири» С.-Петербург Издание Л.Ф.Пантелеева, 1895 год.

себя известную в народе поговорку и незаметно уснул.

Весна с божьей помощью была пережита, приближалось лето. В конце мая Колыма наконец-то тронулась, льдины быстро понеслись по реке.

— Отец, — Сардаана забежала в юрту и бросилась обнимать отца, — отец! Колыма пошла! Наконец-то! Когда пойдём рыбачить?

— Стой на месте, егоза! — Бэргэн пытался успокоить девочку, но не мог сдержать улыбку и посадил дочку на колени. — Подожди, немного... Вода должна немного уйти, иначе нас с тобой унесёт вместе с рыбой. А пока нужно подготовиться...

Сардаана поцеловала отца в щеку и убежала на улицу. Это была девочка небольшого роста, черноволосая и раскосая, как и все в её роду. Ей было всего пять лет, по крайней мере так говорила мама. Но она уже столько знала и умела, что казалась себе очень взрослой. Она помогала маме, но больше всего ей нравилось проводить время с отцом.

Их семья жила не богато. Мать занималась домом, а отец — поисками пропитания. С начала июня и до конца августа, пока река давала возможность кормиться, он ловил рыбу вместе с другими жителями их небольшого улуса.

Сейчас пришло время готовиться к неводьбе: снаряжать карбасы²⁹, сшитые тальником, ладить сети и невода. На

²⁹ Парусно-гребное промысловое и транспортное судно среднего размера

неводьбе забываются в один день все невзгоды зимы: люди сыты, собаки сыты. Люди необыкновенно преображаются. Круглые сутки над пустынной рекой раздаются смех, шутки и песни. Неводят круглыми сутками без устали.

Сардаана любила это веселое беззаботное время, которое пролетало так быстро. Несмотря на свой юный возраст, она тянула невод вместе с отцом, следила за костром на берегу, сменяя взрослых, помогала чистить и готовить нельму — самую вкусную рыбу в мире.

Спустя пару недель, в начале июня, когда Колыма немного поутихла, жители улуса загрузились в карбасы и поплыли вверх по течению реки до островов. В юртах никого и ничего не осталось: некому было промышлять воровством, да и брать нечего — весь скарб с собой забрали.

Неводьба началась хорошо, работы было много. Но сначала все решили наесться как следует после голодной весны. Спустя пару недель на берегу реки лежала уже громадная куча рыбы: толстобрюхие чирь, красноглазые пелядки, узкоголовые шуки. Женщины отрезали рыбам головы и хвосты и снимали с костей мясо, которое потом вялилось на солнце и дымилось над костром. С чира получалась таким образом юкала, с пеляди — хачаик, а с шуки — кичимас. В отдельном котелке лежали потроха. Дети жарили потроха в черпаках на костре. Кругом стояли дымокуры от комаров, которые нещадно грызли людей.

К Ильину дню на заимках начали зажигать плошки с рыбьим жиром. Солнце начинало садиться раньше, но улов становился всё богаче и богаче. Из-за недостатка соли рыба уже начинала киснуть, поэтому большую её часть пустили на юколу³⁰.

К середине августа приехали гости и весь вечер около костра лилась водка. Уже будучи навеселе, один из приезжих сказал как бы между прочим:

— Несколько дней назад в горах нашли «блестящую речку» ...

— «Блестящую речку»? Далеко отсюда? — Бэргэн приподнялся на траве. До этого момента он старался не прислушиваться к разговорам, а просто наслаждался отдыхом. Дочь и жена уже давно спали, а он думал о предстоящей зиме. Лето подходило к концу, скоро нужно будет возвращаться в улус.

— Двести верст³¹ по летней дороге, — приезжий хитро улыбался. — Только вот опасно туда идти, многие не возвращаются...

Бэргэн знал об этом. Много лет он уже он слышал про «блестящие речки». Да, многие не возвращаются оттуда, но те, кто находит их, возвращаются очень богатыми. Ещё несколько десятков лет назад никто и не слышал про такие речки, но с недавних пор стали находить люди золото в воде.

³⁰ Сушёно-вяленое мясо рыбы или оленя

³¹ 1 верста= 1,06 км

Эти речки в народе стали называть «блестящими».

Бэргэну надоела однообразие, хотелось жить как купцы: чтобы рыба была солёная, а не кислая, да дочка в соболях ходила. Хотелось лучшей жизни, а не этой беспросветной тьмы. Хотелось уехать отсюда далеко-далеко, в Россию...

После возвращения в улус Бэргэн решил. Как-то вечером он подсел к очагу рядом с женой, Мичийэ.

— Жена, Мичийэ моя дорогая, нам нужно поговорить.

— О чем, дорогой мой Бэргэн? — она была немного удивлена, поскольку муж редко разговаривал с ней. В основном он общался с дочкой и с соседями.

— Жена, я принял важное решение. Недалеко отсюда нашли «блестящую речку», и я должен туда поехать, — Бэргэн выглядел серьёзно, и Мичийэ испугалась.

— А как же мы с дочкой? Вдруг ты не вернёшься? — по её побледневшим щекам заструились слёзы. Она прижалась к своему мужу, сотрясаясь в беззвучном рыдании. Девушка знала, что просто так он ничего не говорит и, если что-то решил — назад не отступит.

— Найдёшь себе другого мужа. Но не раньше, чем через год моего отсутствия, хорошо? — хоть ему это совсем не нравилось, но Бэргэн прекрасно понимал, что женщине с ребёнком не выжить в их тяжёлых условиях.

Отношение якутов к неверности было безразличное, но у них с Мичийэ была особая семья, они любили друг друга с

детства и много лет были вместе. Бэргэн, в отличие от других мужчин их улуса, практически не употреблял водку и считал её худшим злом. Когда-то мать говорила ему, что в его жилах течёт кровь великого шамана, который спас племя их предков от опасностей этого сурового края. И Бэргэн не сомневался в правдивости её слов. Поэтому он верил, что у него должно всё получиться, и «блестящая речка» покорится ему.

— Я буду ждать тебя, мой любимый Бэргэн, — жена нежно прижалась к мужу и эту ночь они провели в объятиях друг друга.

Спустя два дня Бэргэн отправился в путь, а с ним ещё несколько человек из их улуса. А у Сардааны началась новая трудная жизнь — жизнь без отца...

Прошла осень, а за ней зима. От Бэргэна не было вестей. Пока оставалась рыба и юкола — недостатка еды не было. Но ближе к весне началось голодное время, когда на обед шла даже собачья еда (рыбы потроха, кости и прочая полусгнившая мерзость). В это голодное время в юрты тяжело было заходить, одуряющий запах гнилой рыбы захватывал дыхание и вызывал дурноту. На смену рыбным кишкам приходила похлёбка из заболони, которую добывали в лесу в июне. Но одной похлёбкой сыт не будешь, пришла пора идти на охоту.

Сардаана обычно ходила в лес с отцом, но в этот раз труд добытчицы лёг на плечи Мичийэ. Женщина с дочкой собра-

ли нехитрый обед, взяли лук, самодельные капканы, оделись как можно теплее и отправились в лесную чащу с первыми лучами рассвета.

— Мамочка, а долго мы ещё будем ходить? — девочка испуганно озиралась по сторонам.

Уже много часов они ходили по бесконечному лесу, но всё напрасно. Капканы они поставили, но луком воспользоваться так и не смогли: хитрое искусство никак не давалось им в руки: оно олоох сон³² не давала возможности резко принять удобную позицию, да и меховые варежки тоже не оставили шансов. Ко всему прочему горе-охотницы ещё и заблудились. А день тем временем подходил к концу...

— Не бойся, моя маленькая, мы почти дома, — Мичийэ как могла, успокаивала и подбадривала дочку, но на душе было беспокойно. Она вздрагивала от каждого шороха, которые, как назло, раздавались на каждом шагу...

— Мам, мне страшно... — по щекам малышки текли слёзы, а в глазах плескалось отчаяние.

Мичийэ ещё раз осмотрела деревья, пытаясь сориентироваться. Она вспоминала всё, что говорил муж, когда они гуляли по лесу ещё совсем молодые.

«Запомни любимая: наш дом на востоке, мох растёт с северной части, а солнце заходит на Западе. Юг — сторона, в которую тебе абсолютно незачем смотреть» — после этих

³² Шуба якута

слов муж громко смеялся, и его смех эхом разносилась по всему лесу. Сейчас она судорожно пыталась определить, в какую сторону им нужно возвращаться.

— Сардаана, Мичийэ-э-э-э, — справа от них послышались крики.

— Мама, бежим! — маленькая девочка потянула мать за руку и побрела по сугробам на звук голосов. Женщина едва поспевала за ней, и через несколько минут они увидели своих соседок. Мичийэ бросилась обнимать их и благодарить, слёзы счастья и облегчения замерзали на лице, но ей было не до этого.

Придя домой, они развели огонь в очаге, немного перекусили остатками похлёбки и легли спать. Сардаана верила, что скоро приедет отец, и всё наладится. Ничего страшного, что придётся ещё несколько дней есть эту ужасную похлёбку, от которой уже начинал болеть живот. Главное, чтобы отец поскорее вернулся.

Мичийэ же никак не могла уснуть. Чёрные мысли не покидали её голову. Она настолько ужасная мать, что даже не смогла ничего поймать. Другие женщины так ловко управляют с луком, что даже соревнуются между собой. А она полностью полагалась на мужа и ничему не научилась, даже ходить по лесу и находить дорогу домой! Мало того, что все ноги порезала, так ещё и заблудиться умудрилась. Хорошо, что соседи вовремя подняли тревогу и пошли их искать... Чем теперь она будет кормить свою маленькую дочку? Ведь

она не сможет найти капканы, даже если в них что-то попалось...

Утром она приняла единственно верное решение. Поднявшись с первыми лучами солнца и растопив очаг, Мичийэ пошла к соседям.

— Сосед, доброе утро, — закричала она мужчине, выходящему из соседней юрты. — Мне нужна твоя помощь!

— Что, соскучилась по мужской ласке? — хохотнул пожилой якут. — Так это я запросто!

— Да ну тебя, старый Баянай³³! — женщина рассмеялась. — Лучше помоги мне лошадь завалить.

— Лошадь? Ты что с ума сошла, женщина? — якут поменялся в лице. — Ты в своём уме? Как же ты будешь без лошади?

— Ну уж хотя бы с живой дочкой буду, да сама не помру, — Мичийэ грустно опустила глаза. — Да ты не переживай, возмёшь себе одну ляжку, заболонь разбавишь...

Сосед завалил лошадь и забрал стегно себе, у него пятеро ртов растущих, конинка-то в самый раз пришлась на голодную весну.

Так прошла весна и к середине июня, когда уже все собрались уплывать на неводьбу, приехал Бэргэн.

³³ Дух, покровительствующий охотникам, которого можно было встретить в лесу, как Леший у славян

— Папа, папка вернулся! — Сардаана забежала в юрту к матери, которая готовила ненавистную похлёбку с небольшим кусочком конины.

Следом за ней зашёл Бэргэн.

— Здравствуй, жена. Вот и я, — он выглядел уставшим, похудевшим, но счастливым.

Мичийэ бросилась к нему в объятия. На этот раз её лицо заливали слёзы счастья...

Глава III.

Спустя 15 лет, улус недалеко от Среднеколымска

С тех пор, как Бэргэн вернулся, жизнь их улуса, далёкого от города, потекла другим руслом. Он закупил несколько десятков голов коней и коров и начал вести хозяйство. Начал помогать соседям: возил из города продукты, приучал их вести хозяйство. В семье появилось ещё пятеро детей.

Сардаана росла прилежной, хозяйственной девушкой. Она во всем брала пример со своего отца, который разительно отличался от всех своих сородичей. Незаметно пролетели годы, девочка стала девушкой. Пришло время сватовства. В нескольких вёрстах от их улуса располагался княжеский наслег³⁴. Оттуда и прибыли сваты, когда Сардаане исполнилось тринадцать.

Подъехав к юрте Бэргэна, сваты спешили и зашли внутрь, а жених остался на улице. В юрте их встретила Ми-

³⁴ Родовая сельская община у якутов, включавшая обычно жителей одного посёлка; посёлок, в котором проживала такая община

чийэ и её сёстры с чоронами³⁵кумыса в руках и берестяными бураками³⁶со сливками.

— Хотя мы и знали, что вы везёте так много провизии, что не могли проголодаться; но узнав, что вы едете, мы не позволяли никому дотронуться до этих чоронов. Наших кобылиц держали семь чистых юношей, доили кобыл семь непорочных девочек. Мы собирали для вас лучшую пищу. Всколебните же поверхность этих чоронов, — мать проговорила присущую обычаю фразу с широкой улыбкой.

Сваты выпили, затем, не садясь, повторили все пункты брачного договора. Количество калыма было оговорено заранее. Когда условия были приняты, вошёл жених — мальчик лет четырнадцати, ничем особо не примечательный. Его тёмные глаза ярко блестели в свете очага. Он снял с себя пояс, на котором висел нож, кремь и огниво да гамза³⁷, и подал всё это невесте, сидевшей у очага.

Сардаана заглянула в его глаза и утонула в их глубине. Она протянула руку и приняла его дар. Сватовство состоялось, брак был заключен. Гостям подали обычный обед, после которого жениха и невесту уложили в той же юрте. Этикет требовал, чтобы муж на другой день уехал и навещал жену лишь украдкой.

Отец назначил калым, уплата которого растянулась на

³⁵ Чаша

³⁶ Сосуд цилиндрической формы с деревянным дном и съёмной крышкой

³⁷ Трубка

пять лет.

— Когда мой отец выплатит весь калым, я увезу тебя далеко-далеко отсюда, — говорил парень, глядя на звёзды и прижимая к себе невесту. Его звали Эрчим, он был немногим старше своей наречённой. У него были такие же раскосые карие глаза и короткие чёрные волосы. Из-за редких встреч с водой они были жесткие как солома, но Сардаана не обращала на это внимания. Его взгляд завораживал её сердце и заставлял трепетать тело. Она чувствовала, как внутри неё рождается какое-то новое чувство и каждую встречу отдавалась любимому без остатка.

Спустя ещё несколько лет, когда калым был полностью уплачен, Эрчим приехал за ней и наследником: их маленькому сыну Сулусу исполнилось уже три года и он так походил на свою мать. Впереди их ждала свадьба и новая семейная жизнь.

По старинному обычаю, муж подъехал к опушке леса недалеко от юрты жены. А она в это время как раз пошла в лес с малышом собирать ягоды. Эрчим гикнул, подхватил жену и сына впереди себя и пустил коня в галоп.

Отец и братья жены ждали этот гик. Выскочив из юрты, заметались в тревоге, оседлали коней и помчались в погоню. Скачка продолжалась недолго, пока не началось болото. Тогда преследователи развернулись, обогнули болото и приехали в дом сватов на пир.

Барылан, отец жениха, умел принимать гостей. К свадьбе своего старшего сына он готовился основательно: ярко пылал огонь в громадном «чувале»³⁸, на шестке громоздились огромные медные котлы с кобылятиной. Разряженные гости сидели даже в самых дальних уголках юрты. На одной из нар, напротив очага, на белой кобыльей шкуре лежал шаман. Он не сводил глаз с огня, а его жёлтое морщинистое лицо выглядело слегка болезненно. Сегодня ему предстояло провести мистерию, и он сосредоточенно готовился к ней, разговаривая с духами.

— Едут! Едут! — со двора слышались весёлые голоса, и все выбежали из юрты.

Для молодой пары была выстроена новая юрта. К ней и подъехал Эрчим со своей семьёй. Навстречу молодожёнам вышли две девочки, подростки. Они взяли коня под уздцы и помогли Сардаане с сыном спуститься. От коновязи до юрты шла дорожка из свежей травы. Молодая женщина опустила мальчика на землю и пошла, приседая каждые два-три шага, как требовал этикет.

Двери новой юрты распахнули широко, но вход преградили двумя накрест положенными тонкими, сухими лиственничными жердями, которые придерживали две девочки. По обычаю Сардаана разломала жерди грудью, подобрала сухие обломки и развела ими огонь в чувале. Духу огня была отдана новая жрица.

³⁸ Пристенный открытый очаг

Как только запыхал огонь, молодую жену посадили на орон³⁹ и завесили занавеской. У самого порога юрты убили жеребёнка, кровь из сонной артерии собрали в большой котёл, и шаман вылил ковшиком её, чтобы божества не пускали в юрту болезни. Другой ковшиком крови шаман вылил в огонь, затем «духу юрты», крошечной старушке Няха Харахсынъ, живущей под столбом, поддерживающим потолок, да «Воспитательнице и матери-хранительнице, соболезнующей госпоже» Аисыть-Хатынь.

Пока приносилась жертва дому, всю юрту обхватили громадным ремнём, к которому привязали весь скот молодожёнов. Шаман одел жертвенный кафтан, вышел во двор и встал в середине этого кольца. Всем божествам злым сделал возлияния из кумыса.

Пир продолжался три дня и три ночи. Родственники и гости ели и пили до упаду. Много скота перерезали, чтобы накормить всех. Только шаман сидел в углу и курил трубку. Весь его вид говорил, что мыслями он где-то далеко.

— Ойуун⁴⁰, — Сардаана, улыбаясь присела к нему и подала чашу с кумысом. — Отведай напиток и будь веселее.

Шаман поднял на неё свои старые выцветшие глаза, в них ничего не отражалось. Как будто душа старика ушла в иной мир. Девушке стало не по себе...

— Пришло время платить, — едва слышно произнёс ша-

³⁹ Скамья под наклоном стены в юрте

⁴⁰ Шаман

ман, поднялся и вышел из юрты.

Сардаана поёжилась от его слов, но решила не придавать им значения. Для неё началась новая, интересная и полная событий жизнь. В её чреве жило маленькое дитя, и она очень хотела, чтобы это была девочка.

Гости разъехались. Шамана с тех пор никто не видел. Жизнь в наслеге потекла своим чередом. Спустя положенное, Сардаана время родила дочку. Потом в семье появилось ещё две дочери. А спустя несколько лет случилась трагедия...

Глава IV.

1884 год. Наслег Барылана, в нескольких вёрстах от Среднеколымска

На дворе лаяли собаки. Сардаана оторвалась от приготовления ужина и хотела отправить девочек на улицу, позвать отца. Но в это время дверь в юрту отворилась.

— Есть кто дома? — согнувшись почти пополам, в двери вошёл незнакомец. На улице стоял октябрь, поэтому из одежды была видна только борода. — Подскажите, пожалуйста, можно у вас переждать непогоду?

Мужчина был явно неместный и говорил на русском языке. Он прошёл в юрту, сел на лавку около огня и снял бобровую шапку.

— Үтүө киэһээннэн⁴¹, — женщина не знала русского

⁴¹ Добрый вечер

языка. По недоуменному взгляду гостя она поняла, что он тоже не владеет якутским. Тогда она обратилась к старшей дочери. — Аҕатын аатын сүгэр кыыһа⁴².

Эрчим занимался подготовкой хозяйства к зиме, на улице уже начинало заметать. Жена не хотела его отрывать от дел, но в их семье он один понимал по-русски.

— Хороший вечер, добрый гость, — в юрту зашёл хозяин. Он с опаской посмотрел на незнакомца: доходили слухи, что на север пришла оспа, несколько наслегов далеко отсюда уже сократились на четверть.

— И вам доброго вечера, — мужчина принял благодушный вид. — Мне бы пересидеть, пока метель не закончится. Дороги замело, а силы на исходе...

— Отчего не пересидеть? Будьте гостем в нашем доме. Кэргэнэ киэһээнни аһылык хайдах буолуоҕай?⁴³ — обратился Эрчим к женщине, взглядом предупреждая о возможной опасности, исходящей от незнакомца. — Билигин ыалдьыттары көрсөр саамай үчүгэй кэм буолбатах... Кини биһиги дьиэбитигэр хантан эрэ кэлбит?⁴⁴

— Киһини манньк күнү-дьылы кыайан үүрэр кыахпыт суох⁴⁵, — Сардаана грустно посмотрела на огонь в чувале.

⁴² Доченька, позови отца

⁴³ Жена, как скоро будет ужин?

⁴⁴ Сейчас не самое хорошее время встречать гостей... Откуда он только взялся в нашем доме?

⁴⁵ Мы не можем прогнать человека в такую погоду.

Традиции северных народов учили привечать всех путников в этом суровом краю. Чтобы не прогневать духов, Эрчим решил проявить гостеприимство: оставил гостя на ночь и уложил на самом почётном месте напротив двери.

Путник шёл из Нижне-Колымска в Якутск. О себе он неохотно рассказывал, понятно было только, что он исследователь. На подходе к наслегу Барылана его застала непогода. Ветер усиливался, а пушистый снег валил хлопьями, залепляя лица запоздалым путникам. Для севера это не редкость, местные жители знают, что такую погоду лучше переждать в чуме гостеприимного хозяина.

— Доходят слухи, что в Нижний пришла оспа. Вы что-то слышали об этом? — задал хозяин терзающий его вопрос.

— Поверьте, когда я уходил оттуда, никто об оспе даже не слышал, — заверил его путник. — Не подадите ли водички?

Эрчим кивнул жене, и на столе появился ковш с водой. Поужинав и проговорив до ночи, семья улеглась спать.

Рано утром, наскоро перекусив мороженой рыбой, гость отправился дальше. Выглядел он не очень хорошо, вероятно всю ночь спал в верхней одежде.

— Как думаешь, жена, он действительно не знает о том, что происходит в Нижнем? — Эрчим задумчиво разглядывал потолок юрты.

— Человек не может знать, где его найдёт смерть... — Сардаана налила холодного кумыса и протянула кружку му-

жу.

Думать о плохом не хотелось никому. Но спустя несколько дней у мужчины начался жар. Детей пришлось увезти в улус, где жили родители Сардааны. В живых осталась только мать, Мичийэ, и пора было забирать её к себе, но она упрямилась и не хотела стать обузой для молодой семьи.

Эрчим чувствовал себя всё хуже. На четвертый день кожа его практически полностью покрылась пузырьками. Жар немного спал, но легче ему не стало. Желю он к себе не подпускал, она жила в соседней юрте у родителей мужа. Ей разрешалось только приносить кувшин со свежей водой и подталкивать его к лавке, где лежал муж. Когда ему стало немного легче, Эрчим дождался, когда женщина уйдёт и медленно встал. Умирать не хотелось, но и обрекать свою семью на исчезновение он тоже не мог. Поэтому он принял единственно верное решение: уйти в заброшенный наслег за несколько вёрст отсюда. Несколько лет назад там умерли почти все жители от такой же заразной болезни, а из тех, кто выжил, никто не захотел возвращаться. Прихватив с собой немного рыбы и воды, одевшись потеплее, Эрчим вышел из юрты и потихоньку пошёл, углубляясь в лес. С того самого дня его никто не видел.

Сардаане снился странный сон. Она была снова молода, муж забирает её из отчего дома и шепчет ей на ушко, что очень любит её.

— Я хочу, чтобы ты жила и была счастлива... — он мягко улыбается ей во сне, здоровый и красивый, как много лет назад.

Но вдруг лицо мужа исчезает и на его месте появляется лицо старого шамана:

— Пришло время платить...

Женщина резко села на лавке. Волосы её разметались, на коже выступил противный липкий пот. Сон ушёл, она снова легла, но тяжёлые мысли одолевали её сознание. Она не знала, чем помочь Эрчиму, и это угнетало её. Осознание того, что они запустили болезнь в свой дом, разрушало её изнутри и не давало покоя. Проворочавшись до утра, Сардаана умыла лицо холодной водой, придав себе немного бодрости, и пошла проведать мужа. Кажется, вчера ему стало легче, и они немного поговорили. Он так и не подпускал её близко к себе, поэтому общаться пришлось на расстоянии. До них доходили слухи, что в Нижнеколымске свирепствует чёрная оспа, множество заражённых едва живы.

Женщина прошла в соседний двор. За ночь опять намело много снега, крупные снежинки легко касались земли, становясь частью белоснежного покрывала. Дверь юрты была не до конца закрыта. Сардаана насторожилась. «Не хватало ещё, чтобы сюда ворвался страшный Улу — тойон⁴⁶» — подумала она и зябко поёжилась. Представила себе худенького от подкосившей болезни мужа в лапах гигантского зве-

⁴⁶ Медведь, считается священным животным

ря и ужаснулась. Остатки пути до двери женщина буквально неслась. А открыв дверь на всю ширину, пропуская яркий свет утреннего солнца, встала как вкопанная: юрта была пуста...

Несколько дней мужчины их наслега прочёсывали окрестности, но Эрчим пропал без вести. Ещё не совсем старая женщина, Сардаана заметно сдала: она сильно похудела, а красивые её черные кудрявые волосы тронула первая седина. Лицо её почернело от горя. Она всё вспоминала и вспоминала слова мужа, сказанные им во сне, но их каждый раз прерывала эта страшная фраза «Пришло время платить» ...

Часть II

Глава I.

Несколько месяцев спустя, наслег Барылана

С тех пор как исчез муж, Сардаану начали мучить ночные кошмары. Во сне она видела старого шамана, который истязал её, привязав к столбу подобно Иисусу Христу перед распятием. Вокруг разгорался огонь, а в ушах звучал его устрашающий голос и зловещая фраза. Женщина просыпалась в холодном поту, содрогаясь от озноба. Стараясь не разбудить детей, она поднималась с лавки, подкладывала дрова в очаг и наблюдала за возрождением пламени. До рассвета оставалось недолго, возвращаться в постель не было смысла. После подобных сновидений Сардаана целый день ощущала слабость и головную боль, а в груди разрастался страх. Она боялась сойти с ума.

Жители наслег после исчезновения Эрчима относились к ней с подозрением. Все считали, что она заразилась от мужа, но каким-то образом скрыла недуг. Люди начали чураться её, некоторые предлагали сжечь юрту, чтобы оспа не истребила весь наслег.

Оспы здесь боялись больше, чем огня. Огонь можно было контролировать, а эту посланную дьяволом болезнь ничего не могло остановить. Обычно заболевшие погибали, выжили единицы, остававшиеся искалеченными на всю жизнь:

тела покрывались рубцами и язвами. Страшная зараза пришла на Север вместе с первыми русскими поселенцами. В семнадцатом веке большая эпидемия сократила население в пять раз. Периодически вспыхивающие эпидемии уничтожали целые деревни и города, приводя к исчезновению отдельных народов. Жёсткие бытовые условия и полное отсутствие карантина часто становились причиной массового вымирания поселений.

Не удивительно, что к Сардаане жители наслега начали относиться по-другому. Её истощённый вид и постоянная усталость усугубляли ситуацию. Соседские дети порой бросали в неё палками, что вызывало обострение душевного состояния.

Родители Эрчима не пережили утрату сына и вскоре скончались. Старший сын семьи Сулус взял управление наслегом в свои руки, поскольку других детей у Барылана не родилось. Незадолго до трагических событий состоялась его свадьба, после которой молодожёны с годовалым сыном переехали в новую юрту неподалёку от родителей. Девочки тоже подрастали. Айыы Куо — старшая из дочерей Сардааны уже была просватана в один из улусов Верхне-Колымска, ещё

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.